

Р.Ш. Зельницкая (Шларба)

ПРОЯВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

Начиная с 60-х годов XX в. наблюдается существенная трансформация абхазского общества. Это связано с ростом городского населения. Одной из причин этого стала выдача паспортов колхозникам в Абхазской АССР в 1964 г. До этого колхозникам запрещалось покидать деревню при любых обстоятельствах. Для поездки в город им нужно было получить разрешение от председателя колхоза.

Мой информант Шларба Шота рассказывает: «Я закончил школу в 1958 г. и хотел поступить в Тбилисский государственный университет, но мне и моим одноклассникам не разрешали выехать за пределы деревни. По закону мы должны были после окончания школы два года работать в колхозе, только потом, если разрешит председатель колхоза, поехать поступать. Мы прекрасно понимали, что если сейчас не получим разрешение, потом, во-первых, мы знания потеряем, во-вторых, еще и отслужить придется в Советской армии. Разрешение на поездку мы брали практически насильно. Мы караулили у входа в сельсовет, не давая председателю колхоза возможности выйти. В конце концов, когда он понял, что мы не отступимся, возможно, он не хотел скандала, а может быть, он испугался, мы не знаем, он нам подписал разрешение на поездку в Тбилиси» [ПМА 2011]. Этот рассказ ясно показывает, какие условия были у колхозников в 50-е годы XX в.

Еще одной причиной роста городского населения стала появившаяся новая практика разделения семей. Если до 60-х годов XX в. молодая семья, отделившись от большого дома, выбирала место жительства в своей деревне, то с этого времени молодые семьи стали покидать деревню и переезжать жить в город.

Когда в советской Абхазии колхозники получили паспорта, начался массовый отток населения, особенно молодого, в город. Многие из тех молодых людей, которые получали высшее и среднее специальное образование, не хотели возвращаться в родную

деревню, предпочитая город, несмотря на то что некоторым приходилось жить на съемных квартирах.

Подобные изменения в социальной жизни повлекли за собой неизбежную трансформацию социальных отношений. Происходило определенное отчуждение между группами близких родственников: живущими в деревне и живущими в городе. Важным фактором, повлиявшим на снижение интенсивности отношений между «деревенскими» и «городскими», а следовательно, и на определенную степень отчуждения между ними, явилась разница в распределении времени, поскольку именно в условиях городской жизни можно говорить о таких формах временной организации, как рабочая неделя и выходной день.

Кроме того, близкие родственники, живущие в городе, в собственных глазах видели себя «выше» и людьми более культурными, нежели деревенские.

А теперь, соответственно, можно перейти к рассмотрению того, каким образом указанные изменения в социальных отношениях повлияли на организацию и проведение свадьбы в современной Абхазии. В первую очередь, следует указать на то, что появилась некая новая дополнительная мотивация к тому, чтобы организовать все, от приготовления пищи до сервировки свадебного стола, наилучшим образом, потому что «приедут городские, им нужно угодить».

Важным моментом является то, что изменились временные предпочтения, связанные с организацией свадебных мероприятий. Можно сказать, что фактор разницы в распределении времени в городе и деревне стал дополнительно влиять на отношения, потому что нельзя принуждать городских родственников приезжать в неудобное для них время. До середины XX в. свадьбы играли ночью и в любой день. Об этом свидетельствует абхазский этнограф В.Л. Бигуа: «Еще недавно свадьбы устраивали ночью, поэтому гости начинали собираться вечером. После захода солнца, под покровом темноты, из дома жениха, где уже шла оживленная подготовка к свадебному пиру, бесшумно выезжала со двора свита для привода невесты» [Абхазы 2007: 286]. Со второй половины XX в. временем для проведения свадьбы стали выбирать

выходной день, субботу, а посадку для трапезы стали назначать на 14 или 15 часов.

Указанное отчуждение близких родственников могло приводить к тому, что представители некогда единой семьи вообще перестают общаться и вспоминают друг о друге только во время важных мероприятий. Создается такая ситуация, что многие родственники даже не знают друг друга в лицо, несмотря на то что они являются детьми родных братьев и сестер

Подобного рода ситуация приводила к тому, что со временем увеличилась довольно специфическая группа людей, которая получила в народе название *чангалисты*. Это люди (обычно молодежь в возрасте от 18 до 23 лет), которые без официального приглашения, не являясь родственниками хозяев дома или соседями, приезжают на свадьбу. Они предпочитают чаще всего посещать многочисленные свадьбы, на которых легче потеряться среди людей. А также они выбирают такого хозяина свадьбы, о котором точно известно, что он наверняка не сможет обеспечить должный уровень порядка. Чангалисты приходят на ту свадьбу, где с большой вероятностью они могут встретить своих знакомых [ПМА 2011].

В деревенских обычаях в самом порядке проведения свадьбы начинает проявляться разделение на «деревенских» и «городских». «Деревенские» принимают «правила игры», диктуемые «городскими», и подспудно начинают признавать их культурное превосходство и большую культурную развитость. К таким нововведениям, связанным со стремлением делать «как у городских», относится установившаяся практика сажать за одним столом мужчин и женщин. Эта практика появилась именно в городе, и, скорее всего, здесь сказывается общая демократизация отношений, характерная для города. В сельской жизни особого демократизма в отношениях мужчины и женщины не наблюдается. Но при этом подобного рода практика получила некоторое распространение.

В современном абхазском обществе нормой брачных отношений уже становится практика привода невесты в дом жениха задолго до свадьбы. Раньше привод невесты совпадал с днем свадь-

бы, и невеста уходила из своего дома, чтобы выйти замуж ночью. Сейчас в этом нет необходимости, поскольку невеста в день назначения свадьбы уже некоторое время находится в доме жениха, и обусловлено это тем, что ныне не требуется договоренности с семьей невесты. Вопрос о назначении дня свадьбы полностью переходит в ведение семьи жениха. Срок свадьбы пересмотреть не может никто, даже родители невесты. Он переносится только в том случае, если в семье или в роду одной из сторон случилось несчастье [Абхазы 2007: 286].

В начале трапезы, как и раньше, хозяин дома выбирает руководителя застолья — тамаду, чаще всего из числа сельчан, обладающих красноречием и немалой выносливостью в отношении приёма вина. Высшей ценностью после Бога для абхазов является народ, поэтому тамада поднимает бокал сначала за него, а второй бокал — в честь погибших в боях за освобождение родины в грузино-абхазской войне 1992–1993 гг. Это нововведение стало ныне обязательным тостом на торжественных застольях, в том числе свадебных. Пока тамада произносит эти тосты, все слушают его стоя [Там же: 286].

Еще одним нововведением во время свадебного ритуала является обычай сажать во главе палатки (*ашьана*), в которой происходит торжественное застолье, невесту с женихом и друзьями, которое, однако, не является повсеместным. Это связано с тем, что в городе для жениха и невесты, как правило, нет дополнительного помещения¹.

Довольно упростился и обычай приобщения невестки к отдельно проживающим родственникам и соседям мужа. Первый визит невестка могла совершить только по приглашению, они устраивали небольшое пиршество, а невестка одаривала их различными вещами-подарками.

¹ Традиционную ситуацию на свадьбе Ш.Д. Инал-ипа охарактеризовал следующим образом: «Жениха не было видно на его свадьбе, он скрывался, сопровождаемый своим неразлучным товарищем. По старому обычаю, молодые на свадьбе также не присутствовали, невеста находилась в отдельной комнате в доме родителей жениха, а последний уходил из дома к кому-нибудь из друзей» [Инал-ипа 1965: 462].

Таким образом, можно констатировать, что изменения отдельных аспектов социальных отношений с неизбежностью оказывают трансформирующее влияние на форму проведения важнейших общественных ритуалов.

Библиография

Абхазы / Под. Ред. Ю.Д. Анчабадзе. Аргун. М., 2007.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

К.Р. Ишбулдина

«НЕСТАНДАРТНЫЙ» ПОРТРЕТ ТАДЖИКСКОГО МИГРАНТА (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Тема миграции активно обсуждается в России. Я проводила исследование в Санкт-Петербурге среди проживающих там таджиков с октября 2012 по март 2013 г. Были использованы различные методы сбора материала: интервью, анкетный опрос, неформальная беседа. Анкета включала 40 вопросов, сгруппированных в три блока: социально-демографический, миграционный и адаптационный. Следует отметить, что организация полноценной выборки временных трудовых мигрантов при исследовании была затруднена некоторыми причинами, а именно сезонностью работы и сложностями контакта.

Изначально мной была поставлена задача получить «средний» типаж мигранта из Таджикистана, выявить закономерность миграции. Но, приступив к работе, я поняла, что нарисовать социокультурный портрет мигранта «в целом» — задача очень проблематичная. Слишком разные люди и разные стратегии. Как любое общество состоит из множества групп и противоречивых взаимосвязей, так и приезжие разделяются на самые различные категории. Вряд ли можно рассматривать в качестве мигрантов кинорежиссеров Бахтияра Худоназарова или Фархота Абдуллаева, футбольного тренера Рашида Рахимова, музыканта и продюсера Табриза Шахиди. Все они являются выходцами из Таджикистана.